

Излишне говорить, что всякое истинное стихотворение – это не простой набор слов, эпитетов, сравнений и метафор. Оно единый мир, цельный и хрупкий художественный организм, излучающий поэтическую энергию и создающий вокруг себя невидимое эмоциональное поле, которое властно притягивает, притягивает нас к себе, когда мы читаем стихотворение, вникая в сокровенную суть его, в многообразные оттенки чувств и изгибы мыслей. И чем сильнее эмоциональное поле стихотворения, тем сильнее и воздействие его на нас, читателей, и наоборот.

Сила же эмоционального поля находится в прямой зависимости от накала чувств поэта в момент создания стихотворения, с одной стороны, и адекватности их воплощения в художественном слове – с другой.

Безусловно, большую роль играет и эмоциональный настрой читателя. Если он совпадает с душевным порывом автора в минуты создания стихотворения, то и впечатление, производимое поэтическими строками, многократно усиливается.

* * *

Поэтов часто спрашивают: “Почему вы пишете стихи?” Чего только не приходилось слышать в ответ на этот наивный вопрос читателей!

Но вот прочёл как-то в воспоминаниях о поэте ответ Н. Рубцова: “А что мне остаётся делать?” – и понял вдруг, что всё ранее читанное и слышанное – от лукавого и не искренне.

А у Рубцова так это искренне и так внутренне перекликается с есенинскими стихами:

*Осужден я на каторге чувств
Вертежь жернова поэм.*

Что это? Обречённость на творческие муки?

* * *

Читаешь стихи Николая Рубцова – словно пьёшь свежую, целительную, вкусную родниковую воду. А примешься за стихи других, даже самых известных

поэтов-современников – такое, почти физическое, ощущение, как будто хлорированной воды из-под крана напился. Безвкусно! Пресно.

Рубцов, на мой, взгляд, – самая чистая, самая светлая струя в многоручном и мутно-пенном потоке современной поэзии.

* * *

Однажды прочитал воспоминания ныне одного из популярнейших поэтов о его встречах с Борисом Пастернаком. Во время одной из них мэтр посоветовал ему никогда не предсказывать в стихах собственную смерть: сила поэтического слова такова, что написанное непременно сбудется.

Но спустя несколько лет в очередном сборнике шумный и модный поэт не послушался-таки пастернаковского поэта:

*Жизнь, ты бьёшь меня под вздох,
а не уложить.
До семидесяти трёх
собираюсь жить.*

Среди поэтов не так уж и много долгожителей. Судьба многих, как известно, сложилась крайне трагически: Пушкин погиб в 37, Лермонтов и Веневитинов совсем молодыми, рано умер Кольцов, Блока не стало в 40 лет, Маяковского – в 36, Есенина – в 36, Рубцова – когда ему было чуть более тридцати.

Одним словом, “тёмен жребий русского поэта”, и “неисповедимый рок”, говоря словами Волошина, часто пресекает жизненный и творческий путь поэтов в самом расцвете сил и таланта.

Пикантность этого рассказа заключается в том, что популярный поэт, жизнь которого не слишком уж осложнена драматическими поворотами, наученный горьким и трагическим опытом славных предшественников, хоть и отважился на пророчество, повёл себя крайне, в высшей степени осторожно, отмерив себе жизненный срок в 73 года.

Что тут скажешь? Жить-то хотелось.

* * *

Скажите плохому токарю, что он плохой токарь, плохому слесарю – что он плохой слесарь, никуда не годному инженеру – что он неважный специалист (продолжать этот ряд можно сколько угодно долго), – конечно, они обидятся на вас, но долго зла держать в душе, уверяю вас, не будут.

А попробуйте подобное бросить в лицо человеку, пишущему стихи, – станете врагом на всю жизнь, для вас, как для матёрого преступного убийцы, срока давности существовать не будет.

Поэт И. Л., в общем-то, хороший, добрый, порядочный человек, к моему несказанному удивлению, однажды просто с наслаждением рассказал, как он “зарубил” отданную ему на рецензирование рукопись поэта Ю. П. за то, что почти тридцать лет назад в студенческой юности тот назвал его графоманом. При этом рассказал И. Л. об этом с таким пафосом, что невооружённым глазом видно было: вся кровь его тогда зывала к отмщению.

“Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно”...

* * *

Чем подлинный поэт отличается от стихотворца, пусть даже и виртуозно-го версификатора?

Оба они могут глубоко и сильно чувствовать, но выразить себя и свои чувства ярко и неповторимо, всколыхнув душу читателя, дано лишь поэту. Стихотворец на это не способен, несмотря подчас на все его версификационные ухищрения.

В издательстве “Современник”, где я работал, готовили к выходу в свет стихи адыгейского поэта Н. Переводили их на русский язык Ю. К. и Т. Р. Первый, как всегда, выполнил переводы блестяще. В общем-то, удались они и переводчице, чисто по-женски. Однако каждый из них перевёл адыгейца на русский настолько по-своему, что Н. предстал на страницах книги раздвоенным, цельного и законченного, завершённого представления о нём всё же не получилось. Перед читателями были как бы два разных поэта. Может быть, и впрямь

*В одну телегу впрячь не можно
Коня и прететную лань?*

* * *

Несколько лет в мои издательские обязанности входило редактирование стихотворных сборников поэтов Северного Кавказа.

Переводили кавказцев русские поэты и поэты еврейского происхождения. Причём недостатки были очень своеобразны.

Русские переводчики иногда так перепрут стихи горцев на язык родных осин, что хоть святых выноси.

Переводчики евреи, отличавшиеся усыпляющей гладкописью, выдавали пассажи, ставившие редактора в тупик. Вроде смысл пассажи и ясен, но выражен как-то не по-русски. Не по-русски – и всё тут! Всею душой это чувствуешь. Но нет, не существует таких правил в грамматике русского языка, которые помогли бы объясниться с переводчиком. Не созданы. Что тут можно сказать?

Надо жить в стихии русской речи, русского языка, всем существом чувствовать его, быть его любящим сыном, а не равнодушным и безразличным к нему пасынком.

* * *

В чём секрет удивительной музыкальности, неповторимой мелодичности стихотворений Сергея Есенина?

Попробую высказать свою, возможно, спорную точку зрения, хотя отдаю себе отчёт в том, что ею, конечно же, не исчерпывается объяснение музыкального феномена поэзии Есенина.

В русском языке существуют так называемые сонорные согласные – Л, М, Н, Р, – которые, наряду с гласными, и придают нашей речи звуковую красоту. Стоит ли говорить, какое значение они имеют, какую роль играют в искусстве стихосложения! Благодаря им стихи обретают полноту звучания, мелодичную стройность, музыкальную плавность и певучесть.

Однако не музыкальностью же единой живы стихи? К. Бальмонт, к примеру, добивался просто поразительной мелодичности стиха. Но она имела нередко самодовлеющее, самоценное значение, становилась самоцелью, демонстрируя лишь незаурядное, виртуозное владение словом. Это своего рода стихотворные экзерсисы.

Иное дело – Есенин. Использование сонорных, инструментовка, мелодика, музыка его стиха не менее, если не более, поразительны. Но он никогда не приносит в жертву им содержательную наполненность, другие атрибуты и аксессуары стихотворения. Всё живёт в неразрывном единстве, поразительной цельности и редкостной органичности.

*Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

Тут мало говорить о высочайшего уровня мастерстве. Тут – искра Божья!..

* * *

Бывает так: ничем не примечательные стихи, положенные на музыку, обретают мелодические крылья и становятся неплохой песней, их поют.

Но случается и такое: из прекрасных, песенных слов в музыкальном обрамлении хорошей песни не получается. Особенно не везёт в последнее время Есенину и Рубцову. Кажется, только уж очень ленивые композиторы не обращаются к их творчеству, а песен и романсов, достойных их высокого дара, мало.

И порой думаешь: а нужно ли перелгать стихотворения самых песенных русских поэтов на музыку? Ведь многие из стихотворений сами по себе законченные музыкальные произведения, и музыка часто ничего им не добавляет. Проходит время, и мелодия, сочинённая композитором, отпадает, как шелуха. Да и можно ли музыку переложить на музыку?

* * *

Есть у Николая Рубцова два лирических стихотворения, замечательных по тончайшему мелодически-интонационному рисунку: “Высокий дуб. Глубокая вода...” и “Размытый путь. Кривые тополя...”. Чудная интонация этих первых строк получает в последующих стихах своё музыкальное развитие и достойное мелодическое завершение.

Но интонация эта – не открытие Рубцова (что никоим образом, конечно, не снижает музыкальных достоинств стихотворения), а счастливое благоприобретение. Найдена она Яковом Полонским:

Глухая степь — дорога далека...

Симптоматично, что, поражающая своей удивительной мелодичностью, завораживающая интонация эта была подхвачена именно Рубцовым – по-этом, как и Полонский, с абсолютным музыкальным слухом.

* * *

Некрасов... Его стихотворение “Рыцарь на час” в некоторых местах великолепно по словесной живописи, тонкой звукописи.

Отражающийся на стене церкви одинокий крест, тень поднимающегося на колокольню старика-звонаря – всё это исполнено величия, силы и гармонично вписываются в общую печальную тональность стихотворения.

* * *

*Ах, и сам я в чаше звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребёнком
Запрягался в наши сани.*

Мой отец, страстный любитель поэзии Есенина, рассказывал, что, когда он в первый раз прочитал эти строки, вспомнилось ему деревенское детство... Зима... Вечер. Маленький мальчик, выбегает он на двор, посреди которого стоят крестьянские сани, и останавливается, как замороженный. С ясного морозного неба светит яркий молодой месяц, его лучи падают прямо на оглобли саней, и кажется, через мгновение месяц поплывёт по небу, и следом за ним заскользят, скрипя полозьями по снегу, сани. Отец всегда восхищался необычной правдой есенинской образности, открывая для меня поэзию русского гения, нашего земляка.

Когда я рассказал это в ЦДЛ, где проходил вечер, посвящённый Сергею Есенину, поэту Анатолию Передреву, тот воскликнул:

— Вот твой отец — настоящий есенинец! А что ты можешь услышать на вечер? Пустые, трескучие, казённые слова... Давай посидим вдвоём, поговорим, выпьем за Есенина... Я тоже есенинец, — с гордостью закончил он.

* * *

Когда молодые, начинающие авторы вольно или невольно используют в своих стихах ритмы, интонации, мотивы, образы темы классической и современной поэзии, их часто упрекают за это. А как быть с самими классиками и с известными поэтами, когда они используют в своём творчестве найденные до них ритмические узоры, размеры, интонационные ходы, строки, словосочетания? Примеров можно привести множество.

* * *

Выхожу один я на дорогу...

(Лермонтов)

Вот бреду я вдоль большой дороги...

(Тютчев)

Выхожу я в путь, открытый взорам...

(Блок)

Ни огня, ни чёрной хаты...

(Пушкин)

Сырая ночь — ни хаты, ни огня...

(Полонский)

Уж не жду от жизни ничего я,

И не жаль мне прошлого ничуть...

(Лермонтов)

Я полон дум о юности весёлой,

Но ничего в прошедшем мне не жаль.

(Есенин)

Печальная берёза

У моего окна,

И прихоть мороза

Разубрана она.

(Фет)

Белая берёза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.

(Есенин)

Пускай она поплачет...

Ей ничего не значит...

(Лермонтов)

Пусть она услышит, пусть она поплачет,

Ей чужая юность ничего не значит.

(Есенин)

*Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!*
(Рубцов)

*На меня нацелилась груша да черёмуха.
Силою рассыпчатой бьёт меня без промаха.*
(Мандельштам)

Он “позаимствовал” у Есенина и размер, и интонационную рифму.
Вспомните есенинское:

*Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха,
Всё равно любимая отцветёт черёмухой.*

Гораздо реже используют (но всё же используют!) поэты целые строки из стихотворений своих предшественников.

Как весел грохот летних бурь...
(Тютчев)

*Не пугай меня грозюю:
Весел грохот летних бурь...*
(Бунин)

Звезда покатила на запад...
(Фет)

И звезда на запад покатила...
(Кузнецов)

*...Воздух светел...
Как тишь тиха! Засну, любя
Весь Божий мир... Но крикнул петел!
Иль я отрёкся от себя?*
(Случевский)

*Гляжу без чаянья, без думы,
Пух тростниковый теребя...
Мои ли ночи не угрюмы?
Иль я отрёкся от себя?*
(Лапшин)

*Мелькали спины, тёмные от пота,
Метали люди сено на воза.
Гребли, несли, спорилась работа.
В полях темнело. Близилась гроза.*
(Твардовский)

В полях сверкало. Близилась гроза.
(Рубцов)

*Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю...*
(Рубцов)

*Душа давно блуждать устала
В тех временах...*
(Передреев)

*О жизнь! Я вновь её люблю
И ею вновь любим взаимно...
Природы друг, я в ней ловлю
Все звуки жизненного гимна.*
(Жемчужников)

Тут случай вообще из ряда вон выходящий. К. Ваншенкин “поэтизировал” у Алексея Жемчужникова, автора знаменитых “Осенних журавлей”, для своей песни “Я люблю тебя, жизнь...” вместе с запоминающейся рифмой “гимна — взаимно” и идею, естественно, изменив размер своего текста. Не изменить — это было бы слишком!..

Почему же столь часты в поэзии реминисценции? Ответы могут быть самыми разными. Один известный поэт высказался очень оригинально: “Если я вижу, что не могу, не в силах выразить чувств сильнее и ярче, то беру строки и образы у других...”

* * *

“Покоя сердце просит...” (Пушкин), “Я ищу свободы и покоя!..” (Лермонтов, “А я устал — покой давно мне нужен. // Но нет его...” (Полонский)... Поэты XIX века, за исключением, может быть, Полонского, чьё творчество в определённой степени является связующим звеном между поэтами XIX и XX веков, знавшие, что “на свете счастья нет”, всё же тешили себя надеждой, что “есть покой” (Пушкин), просили, искали его.

Поэты XX столетия начисто лишены подобных иллюзий: “Покой нам только снится...”, “Покоя — нет...” (Блок). Мятущийся Есенин вообще признавался: “Не искал я... покоя”. Не от горькой ли, выстраданной уверенности, что его нет? А Георгий Иванов называл покой “неосуществимой мечтой”:

*Миллионеру — снится нищета.
Оборванцу — золото рекой.
Мне моя последняя мечта,
Неосуществимая — покой.*

И только значительно позже неожиданно у Рубцова встречаем:

*Светлый покой опустился с небес
И посетил мою душу.*

Но оттого ли в атмосфере всеобщего шума, суеты, смятения, присущей нашему времени, ему, поэту, в редкие минуты покоя, посещавшие его, удалось создать свою неповторимую лирику, в лучших образцах приближающуюся к подлинным достижениям русской лирической поэзии и сопоставимую с ними?

* * *

У хороших стихов, как у доброго вина, есть свой неповторимый букет. По нему мы безошибочно узнаём поэта: Пушкин, Тютчев, Фет, Есенин...

Есть в современной русской поэзии два имени: Николай Рубцов и Юрий Кузнецов. Поэты, которым часто и много подражают. Но, несмотря на различный стихотворный розлив, букет, марка поэтического вина угадываются незамедлительно: Николай Рубцов, Юрий Кузнецов.

Сопоставимы ли они с классиками? На мой взгляд — да.

* * *

Не соглашались: не раз, увы, слышал, что Рубцов пишет поэтическими штампами.

Действительно, он активно использовал (а может быть, возражал) в своей поэтической практике лексику и приёмы классиков XIX–XX веков, далеко и не очень отстоящих от него по времени: Тютчева, Фета, Блока, Есенина.

Но он сумел вдохнуть в используемые им слова и приёмы новую жизнь. И оттого они воспринимаются как его собственные, только что открытые и найденные, а каждое стихотворение — как живой организм.

Поэтому можно уверенно говорить, что у Рубцова свой словарь, свои художественные средства, свой поэтический инструментарий, по которому он сразу узнаваем.

* * *

Наши классики могли потрясающе тонко и точно передавать в стихе пограничные состояния, амбивалентность, двойственность лирического переживания.

Мне грустно и легко: печаль моя светла...

(Пушкин)

*С души, как бремя, скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко.*

(Лермонтов)

*Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело —
Я ничего не пойму.*

(Фет)

Примеры можно множить. Добавим сюда “тоску весёлую” Есенина, например. Умел передавать двойственность охватившего душу чувства и наш современник Николай Рубцов:

*За мною захлопнулась дверца,
И было всю ночь напролёт
Так жутко и радостно сердцу,
Что все мы несёмся вперёд.*

Или:

*И стало угрюмо, угрюмо
И как-то спокойно душе.*

Это умение – один из признаков истинно глубокого и органичного, я бы сказал, утончённого таланта.

* * *

Увидел со второго этажа, с балкона, “женщину в белом” – воспитательницу детского сада. Она гуляла с детьми по двору между деревьям и проникновенно, чисто пела песню Рубцова “В горнице моей светло...”

Спустя несколько дней молодые рабочие, прокладывавшие траншею прямо перед нашим домом, после рабочего дня уселись на брёвнах и под баян опять же запели Рубцова: “Я буду долго гнать велосипед...” Что это? Рубцов – народный поэт? Для меня – несомненно.

* * *

Евтушенко как-то заявил, что Фет весь проходит мимо. В самом деле, Фет – воплощение музыки и живописи в слове – прошёл мимо Евтушенко. Стихи последнего совершенно лишены музыкальности и живописности – этих необходимейших атрибутов подлинной поэзии, что свидетельствует об ущербности, болезненной неполноценности творчества Евтушенко.

“Лирическая деятельность, — писал Фет, — ... требует крайне противоположных качеств, как, например, безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры)”.

Сам Фет, в высшей мере обладая этими качествами, органичное сочетание их находил в поэзии Тютчева.

А современные поэты? Сверхпопулярный Вознесенский, безусловно, обладает “безумной слепой отвагой”. Чего стоит его строка:

Розы чёрные коровьего навоза...

Или:

Сколько звёзд? Как микробов в воздухе.

Но, увы, “тончайшим чувством меры” здесь не то что не пахнет, даже не веет.

Павел Васильев, как никто другой после Некрасова, сумел со свойственным ему буйством красок воссоздать в своём творчестве “тип величавой славянки”. С какой живописной силой передаёт он восторг замороженной природы перед величаво шествующей красавицей Натальей!

*Так идёт, что ветви зеленеют,
Так идёт, что соловьи чумеют,
Та идёт, что облака стоят,
Так идёт, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.*

Поэт любил повторять: “Есенин свои образы по ягодке собирал, а мне нужно, чтоб сразу горсть”. Трудно более метко обозначить своеобразие его изобразительной манеры. Васильев любил Есенина, называл его “князем русской песни”. Соглашаясь на роль преемника и продолжателя есенинских традиций в поэзии, он ревностно отстаивал самостоятельную значимость своего творческого пути и не желал пребывать в положении статичного последователя поэтической системы Сергея Есенина.

Слово Павла Васильева зримо, осязаемо на ощупь и обоняемо на запах, многоцветно и красочно.

*Вёсны возвращаются!
Весенний*

*Сад цветёт —
В нём правит тишина.
Над багровым заревом сирени,
На сто вёрст отбрасывая тени,
Пьяно закачается луна —
Русая, широкая, косая,
Тихой ночи бабья голова...*

Всего бесспорнее в нём — удивительная цельность именно русской природы.

Сводила меня судьба с двумя людьми, которые уверовали в то, что уготовано им на земле, подобно лермонтовскому Печорину, предназначение великое. Самомнение их было решительно ни на чём не основано, и, рассуждая

о своей миссии сверхчеловеков, являли они собой ущербно-пародийные типажи. Смешно? Впрочем, у создателя Печорина есть строки:

*Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...*

Когда одному из них, возомнившему себя – ни больше ни меньше, – как гениальным художником, я говорил о таинственных переключках между пантеистическими стихами Рубцова и пейзажами Левитана, то горе-художник смотрел на меня, “как в афишу коза”.

Подлинный художник не может не увидеть, не может не почувствовать этих переключек.

* * *

В Союзе писателей известный публицист рассказывал о жителях одного то ли сибирского, то ли дальневосточного селения, часто подвергавшегося набегам всесокрушающей водной стихии. Однако жители с упорным постоянством продолжали селиться на прежнем месте, каждый раз заново обустроить жилища и хозяйство.

– Зачем? – недоумевал литератор. – Перебрались бы в другое, безопасное место – на другой, высокий берег.

Ответ ему мог бы дать А. С. Пушкин:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека —
Залог величия его.*

* * *

Работая в московском издательстве “Современник” в редакции переводов, я часто задумывался: какому переводу отдавать предпочтение – точному, с соблюдением по возможности всех особенностей оригинала, или свободному, вольному. И так и не мог дать самому себе ответа. Сравните, какой перевод стихотворения Гёте “Ночная песнь странника” лучше – точный, как говорят, перевод И. Анненского или вольный – М. Лермонтова?

*Над высью горной
Тишь.
В листве, уж чёрной,
Не ощутишь
Ни дуновенья.
В чаще затих полёт...
О подожди!.. Мгновенье —
Тишь и тебя... возьмёт.
(Анненский)*

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.
(Лермонтов)*

Впрочем, “Горные вершины” уже давно стали классикой русской поэзии. Или ещё пример – переводы стихотворения Гейне “Сосна стоит одиноко”. Один сделан метрически близко к подлиннику Тютчевым:

*На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.*

*Про юную пальму всё снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветёт, одинока...*

Второй перевод осуществлён вольно – Лермонтовым:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.*

*И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.*

Какому же переводу отдать предпочтение? И тут следует отметить, что “На севере диком стоит одиноко” – давно факт поэзии русской.

* * *

В чём различие между такими замечательными поэтами русской природы, как И. Бунин, с одной стороны, и С. Есенин – с другой?

Бунин, необыкновенно тонко замечая малейшие изменения и движения жизни природы, всё же фиксирует их в поэтическом слове несколько отстранённо, смотрит на природу как бы со стороны. Отсюда – некоторая холодноватость описаний природы у него. Впрочем, гениальная.

Есенин полностью слит с природой, живёт в ней. Отсюда – необычайные лиризм и проникновенность поэтических пейзажей Есенина. И тоже гениальные. Но так ли и у Рубцова?

Примеров тому читатель может найти в их стихотворениях множество. К ним я его и отсылаю.